

11. Zinken J. Metaphors, Stereotypes and the Linguistic Picture of the World: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin [Electronic resource] – 2004.– P. 115-136. – Mode access: <http://www.metaphorik.de/07/zinken.pdf>

Чавыкина Ю. О.

аспирант, НИУ «БелГУ», Россия

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Данная статья посвящена анализу некоторых изменений в словарном составе русского языка нового времени. Автор уделяет особое внимание рассмотрению новейших языковых процессов – неологизации и пассивизации, а так же обращается к социологическому и историко-культурному контексту. Статья адресована студентам-филологам, аспирантам историко-филологических факультетов и преподавателям общеобразовательных, средних и высших учебных заведений.

Ключевые слова: русский язык, лексика, лексикография, семантика, национальный язык.

Chavykina J.

Belgorod National Research University, Russia

SOME CHANGES IN THE VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE NEW TIME

This article analyzes some of the changes in the vocabulary of the Russian language in the new time. The author pays special attention to the latest linguistic processes – neologization and passivization, as well as appeals to the sociological and historical-cultural context. The article is addressed to students-philologists, graduate of History and Philology and teachers of secondary and higher education institutions.

Key words: russian language, vocabulary, lexicography, semantics, the national language.

В настоящее время перед лексикографами остро стоит необходимость создания словарей и справочников, которые наиболее полно отражали бы состояние лексической системы русского языка последнего десятилетия. Это вызвано, по нашему мнению, не только подвижным характером самой лексики, но и некоторыми историко-культурными факторами, а именно постепенным «стиранием» из генетической памяти народа многих слов, отражающих реалии отечественной истории. Следствием этого может стать отдаленность классического наследия литературы и публицистики предшествующих периодов духовной культуры россиян.

Чтобы избежать этого, необходимо знать и понимать прошлое нашей страны. В лингвистической науке широкое распространение получила точка зрения, согласно которой проникнуть в мировоззренческую систему прошлых веков можно через изучение языка конкретной эпохи. Академик В. В. Виноградов писал по этому поводу: «Формы мировоззрений также

эволюционируют, и едва ли воспроизведение идеологических систем прошлого возможно без помощи лингвистического анализа» [2: 6].

Не подлежит сомнению, что слова в нашей жизни играют большую роль, называя предметы и явления, которые окружают человека с самого рождения. Если мир вокруг изменяется, изменяется и лексика – одни слова уходят из языка, другие приходят из других языков или образуются с помощью средств национального языка. Для отечественной лингвистики весьма ценной, по нашему мнению, является мысль о том, что современные изменения в русском языке обусловлены, прежде всего, экстралингвистическими факторами – коренными преобразованиями в укладе жизни российского общества. По справедливому замечанию И. А. Стернина, из ежедневной практики общения «исчезла жесткая регламентация жизни членов общества со стороны государства, административно-командной системы. Мышление и политическая деятельность человека раскрепощены, существуют возможности для самостоятельной и независимой общественной и политической деятельности всех членов общества» [4]. Вместе с исчезновением контроля за поведением личности со стороны власти и самой советской государственной системы, из нашей жизни уходят многие понятия, которые составляли «коммуникативное ядро» (термин И. А. Стернина) советского лексикона. Этот тезис как нельзя лучше доказывает утверждение Н. Ф. Алефиренко: преобладание «разного рода социальных факторов над внутривидовыми закономерностями развития словарного состава являются очевидным, в отличие от фонетики, морфологии и синтаксиса, где ведущая роль принадлежит внутривидовым закономерностям» [1: 243].

Так, с приходом власти советов из активного употребления в живой речи россиян исчезли прежние значения таких слов, как *благотворительность*, *меценатство*, *филантропия*, *благосостояние* и др. Интересно, что в советской официальной публицистике эти слова употреблялись в негативном контексте. Так, слово *благотворительность* в ТСУ имеет словарную помету *устар.* и определяется как «оказание материальной помощи бедным». Парадигматически данная семема связана с другими лексемами из той же лексико-семантической группы, а именно: *покровительство*, *меценатство*, *филантропия*, *спонсорство* и т.п.

Переоценка интегрального значения «материальная помощь бедным» этих понятий, вероятно, корнями уходит в историко-культурную ситуацию, сложившуюся к 30-м гг. прошлого столетия. По мере укрепления советской власти постепенно менялось языковое сознание народа, в котором под воздействием политической пропаганды должно было измениться отношение к рассматриваемому явлению. В дореволюционной России социокультурное развитие осуществлялось во многом при помощи частных финансовых вложений в определенную область жизнедеятельности страны – в науку, образование, культуру и т. д. Был развит институт меценатства и благотворительности, а сам акт оказания безвозмездной помощи кому-либо считался абсолютно нормальным и даже желательным в обществе. Иная картина сложилась в СССР: оказание благотворительной помощи оказалось

«под запретом», стало считаться недопустимым в советском обществе. Идеологи коммунизма исходили в этом вопросе из совершенно понятных соображений, ведь советский народ – единый народ, в котором каждый гражданин равен другому и в материальном, и в правовом отношении. Построение социалистического общества размывало границы между классами, между бедными и богатыми, унифицировало граждан по признаку денежных доходов. Признание факта оказания безвозмездной помощи бедным означало бы признание классовой стратификации в бесклассовом обществе.

Государственная политика СССР строилась таким образом, чтобы убедить народные массы в том, что необходимо сознательно отказаться от слов, за которыми стояли массивные пласты той культуры, которую стали называть «буржуйской». Чего стоит только заявление знаменитого Полиграфа Полиграфовича Шарикова «все отобрать и поделить».

Мировоззрение советского человека во многом строилось на фундаменте новояза. В эпоху господства советской идеологии наблюдалась формализация мышления посредством упрощения механизмов образования новых слов. Этот факт отмечали многие лингвисты, например, Е. А. Земская [3: 24].

Общеизвестно, что любой тоталитарный язык (так называемый *новояз*) просто переполнен разного рода сокращениями и аббревиатурами. Ученые до сих пор не могут найти общего мнения по поводу того, происходит ли подобное «насилие» над нормальным человеческим языком специально, по задуманному сценарию, или же это просто неосознанное стремление стоящих «у руля власти» оградить народ от инакомыслия? Этот вопрос до сих пор остается открытым, порождая все новые споры. Хотелось бы подчеркнуть, что данный процесс, вероятно, не случаен: обилие подобной лексики делает сознание упорядоченным и формализованным, а человека – послушным, заставляет его четко придерживаться дисциплины и установок «сверху». Несомненно, в условиях тоталитаризма все эти качества народа являются желательными для государственной системы. С точки зрения системных процессов в языке постсоветского времени показательно, что язык довольно быстро освободился от «пут новояза». После распада СССР в активное употребление вернулись многие дореволюционные слова из сферы религии, экономики и государственного устройства, которые в годы советской власти методически вытеснялись из активного словаря, а значит, и из языкового сознания людей.

Прибегнув к языку исторических аналогий можно сказать, что похожая ситуация произошла уже в конце XX века с советизмами – словами, обозначающими понятия и реалии советской эпохи, например, *комсорг, пионер, политрук, соцобязательство, соцсоревнование* и т.д. Точно так же, как и в случае с дореволюционной лексикой, сегодня они «изгоняются» из активного словаря россиян. После распада СССР произошла резкая смена коннотативной окраски лексики советского периода. Например: «Умный, насыщенный спецэффектами и откровениями фильм делает простой и понятной сложную историю о том, как бывшие пионеры стали рекламщиками на службе у богини Иштар» (Иван Смирнов. Премьера киноверсии культового романа Виктора

Пелевина «Generation П» // Новый регион 2, 14.04.2011), или «*После провального начала, казалось бы, он должен из раздевалки первым вернуться на скамейку, как политрук, возглавляющий штыковую контратаку*» (Славин В.. Хилые «Атланты» // Советский спорт, 30.03.2011). Из приведенных примеров видно, что в лексемах *пионер* и *политрук* произошли значительные семантические сдвиги, затронувшие на данный момент лишь периферийные, историко-культурные семы. В языковом сознании россиян они стали устойчиво ассоциироваться с советским тоталитарным режимом, с советским образом жизни, т.н. «совдепией», и вполне естественно приобрели иронический оттенок.

В свете вышесказанного можно сделать вывод, что в современном русском языке действуют два разнонаправленных словарных процесса – *неологизация* и *пассивизация* лексики. «Специалисты говорят о ежегодном приросте новых лексико-семантических единиц, исчисляемом тысячами, в будущем прогнозируется дальнейшее увеличение числа новых слов и значений» [5: 44]. Наряду с указанным процессом следует обратить внимание и на переход в пассивный словарный запас «новоязовских» образований. Их постигает та же участь, что в первой половине XX века постигла дореволюционную лексику. После распада СССР в 1991 г. множество советских реалий и понятий, а, следовательно, и слова, их обозначающие, стали предметом насмешек со стороны идеологов нового капиталистического мышления. Погрязающая в экономических трудностях, разобщенная страна практически в каждой утренней газете встречала шутку, а иногда даже прямое обвинение в адрес советской «верхушки». Так, например, в прессе начала 90-х гг. можно было встретить ироничные высказывания о «большевистской прямоте»: *Бывший зам. зав. отделом ЦК КПСС с большевистской прямотой сокрушает заразу инакомыслия...* (Огонек 1991: 27). Интересно, что в ТСРЯ XX лексема *боец* (в устойчивом сочетании *бойцы невидимого фронта*) имеет помету *ирон.* в современном употреблении: *До прихода «бойцов невидимого фронта» мысль о печатании на Западе «Ожога» редко меня всерьез посещала* (Аксенов В. Праздник, который пытались украсть). Таким образом, можно сделать вывод, что события в социальной сфере вызывают перестройку общественного сознания, изменение идеологических ориентиров и ценностей, следствием чего и являются преобразования в лексико-семантической системе языка.

Несомненно, В. В. Виноградов был абсолютно прав, утверждая, что «...между разнообразием живых смысловых связей и отношений слова в конкретных системах языка разных периодов его истории и между абстрактной прямолинейностью реконструируемого семантического движения слова» [2: 8] существует явное противоречие. Для нас история слова может представляться как непрерывный путь одного конкретного слова от момента рождения до архаизации, между тем как оно, в какой-то момент своей истории, может пребывать в пассивном словарном «хранилище» языка, при необходимости вновь возвращаясь в активное словоупотребление. Автор статьи стоит на позиции, согласно которой лингвисты не должны упускать из виду слова,

перешедшие в пассив, ведь они, с нашей точки зрения, заслуживают пристального внимания и изучения. Забвение этих слов может привести к крайне нежелательным культурным последствиям: к постепенной утрате интереса молодого поколения к отечественной истории, к появлению трудностей в восприятии художественных текстов предшествующего исторического периода в жизни нашего общества.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учебн. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
2. Виноградов, В. В. Слово как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5-34.
3. Земская, Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. – 1996. № 3. – С. 23-31.
4. Стернин, И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка [Электронный ресурс] // Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: 2000. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/sternin_00.htm .
5. Шипицына, Г. М. О развитии словарного состава русского языка // Русская речь. – 2009. № 2. – С. 44-48.

Список использованных словарей и их условные обозначения

1. ТСУ – Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова; т. 1-4. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935 – 1940.
2. ТСРЯ XX – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Ширлина Е.Н.

соискатель, НИУ «БелГУ», Россия

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕЕМЦКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье рассматривается грамматикализация как процесс утраты компонентами устойчивых предложно-именных сочетаний лексической самостоятельности и сближения таких сочетаний со служебными частями речи.

Ключевые слова: грамматикализация, устойчивые предложно-именные сочетания, аналитические конструкции, производные предлоги, отыменные релятивы.

Shirlina E.N.

Belgorod National Research University, Russia

GRAMMATICALIZATION IN THE PROESS OF FORMATION OF THE FIXED NOUN-PREPOSITIONAL COLLOCATIONS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

This article is dedicated to the grammaticalization as a process in which the component elements of the fixed noun-prepositional collocations lose their independent lexical meaning and become similar to the function words.